

УДК 82.091

Елизавета Александровна Братцева
Юлия Александровна Семенова
г. Шадринск

**Конфликт героя и буржуазного мира в творчестве В. В. Маяковского и эволюция
взглядов поэта**

В статье рассматривается конфликт лирического героя в творчестве В. В. Маяковского с буржуазным миром как основа для выведения закономерностей эволюции взглядов поэта. Приводятся тезисы о том, что указанный конфликт в дооктябрьской лирике строится на иронии и жестокой насмешке; в раннесоветском творчестве герой стремится не допустить возвращения пережитков прошлого в лице мещанства; советские произведения В. В. Маяковского основываются на контрасте предложенной поэтом программы действий по построению нового мира и абсолютном одиночестве перед лицом укоренившихся в системе буржуазных элементов. Делаются выводы о том, что общая трагедия поэтического мира В. В. Маяковского заключена в отстранённости лирического героя от остального общества на протяжении всего творчества поэта, а также о том, что данный конфликт имеет на протяжении своего эволюционного пути одну структурную схему, но разные формы проявления (насмешка, протест, назидание, призыв к действию) и неоднородную структуру оппонентов в конфликтной ситуации.

Ключевые слова: В. В. Маяковский, конфликт, поэтическое творчество, образная система, буржуазный мир.

Elizaveta Aleksandrovna Brattseva
Yuliya Alexandrovna Semenova
Shadrinsk

**The conflict of the hero and the bourgeois world in the works of V. V. Mayakovsky and the
evolution of the poet's views**

The article examines the conflict of the lyrical hero in the work of V. V. Mayakovsky with the bourgeois world as a basis for deducing the patterns of evolution of the poet's views. The theses are given that the specified conflict in the pre-October lyrics is based on irony and cruel ridicule; in early Soviet poetry, the hero seeks to prevent the return of remnants of the past in the person of philistinism; the latest Soviet works of V. V. Mayakovsky are based on the contrast of the poet's proposed program of action to build a new world and absolute loneliness in the face of bourgeois elements. The conclusions are drawn that the general tragedy of the poetic world of V. V. Mayakovsky lies in the detachment of the lyrical hero from the rest of society throughout the poet's work as well as that this conflict has one structural scheme throughout its evolutionary path, but different forms of manifestation (mockery, protest, edification, call to action) and the heterogeneous structure of opponents in a conflict situation.

Keywords: V. V. Mayakovsky, conflict, poetic creativity, figurative system, bourgeois world.

Творчество В. В. Маяковского – одно из самых исследованных среди его собратьев-модернистов. Современные научные деятели рассматривают вопросы «поэтической мифологии» поэта [9], выявляют приёмы создания сатирического образа в его произведениях [2], даже обращаются к специфике переживания Маяковским любовных чувств и отражениях этого в его лирике [4]. Однако на периферии исследовательских работ последних лет остаётся эволюционное развитие конфликта героя и мира, и в силу изменяющихся условий

для анализа и исследования поэтического наследия Маяковского оно требует уточнений и актуализации. Принадлежность поэта к двум историческим эпохам, признание его таланта как в эпоху модернизма, так и в советское время привели к существенному перекосу в изучении его поэтического творчества. Исследователи зачастую акцентируют внимание на одном из периодов: либо только на футуризме, либо только на литературе жизнестроения. Достаточно чётко на сегодняшний день сформулирована специфика каждого из них. Редки работы, в которых стремятся не разделять дооктябрьское и советское творчество, а представить их как единое целое, обусловившее эволюцию взглядов и лирики поэта. В рассмотрении поэтического наследия Маяковского как целостной системы, изменения которой были обусловлены как внешними (историко-культурными), так и внутренними (мировоззренческими) факторами видится актуальность данной работы.

Цель исследования стало вычленение и подробное описание центрального конфликта в творчестве поэта, так как, на наш взгляд, главное связующее звено между ранним и советским творчеством В. В. Маяковского заключено именно в центральном конфликте, обусловившем своеобразие как футуристической, так и «реалистической» поэзии и берущего свои истоки в романтической концепции, от которой творец так до конца и не отошёл.

Сквозной темой проходит через все произведения В. В. Маяковского конфликт лирического героя с буржуазным миром. Беря истоки в ранней, футуристической лирике, к концу творческого пути Маяковского (1927-1930-е гг.) он претерпевает существенные изменения как в плане языкового выражения, так и в плане содержания: несколько другими становятся причины обвинений, адресат критики, даже тон повествования, хотя суть противостояния остаётся прежней. Само же противостояние трагично тем, что направлено на всех окружающих, в результате чего «не понятый никем человек вынужден в одиночку переживать надрыв... который захлёстывает его личность» [8]. Для рассмотрения вышеизложенного конфликта и обоснования его значимости в контексте поэтического наследия Маяковского и понимания мировоззрения поэта применялись метод выборки, сравнительно-сопоставительного анализа, анализа теоретических источников.

Одно из ранних стихотворений «Нате!» (1913 г.) строится на противопоставлении поэта и толпы. В. А. Катянян замечает, что со стихотворением связана скандальная история: «Чтение «Нате!» в кабаре «Розовый фонарь» вызвало скандал. <...> Господа... привыкли к тому, чтобы... им, «избранной публике» с «тонким» вкусом, льстили, перед ними расшаркивались и унижались» [3].

Автор намеренно использует в отношении буржуа, которым противопоставляет себя, самые нелицеприятные определения: «обрюзгший жир», «грязные, в калошах и без калош». При этом контраст прослеживается как на уровне пространственной организации («чистый переулочек» – вытекший «обрюзгший жир»), так и путём соотнесения себя и оппонентов с объектами животного мира: «бабочка поэтиного сердца» – «стоглавая вошь», головы которой – «кустрица», неведомый зверь с «капустой в усах» и сама «озверевшая» толпа.

Конфликт в «Нате!» изначально строится на почве неприязни к отжившему прошлому и его лицам – неопрятно-грязным, «жирным», не способным оценить ничего «настоящего», прекрасного. Лирический герой резко отделяет себя от мира, враждебного ему, и вступает с ним в открытую конфронтацию, отчего конфликтное противостояние приобретает романтическую природу. В тексте нет ни единого указания на то, как следовало бы жить, или конструктивной программы действий – поэт просто бросает едкие фразы в толпу, эпатируя и выражая концентрированное чувство превосходства над ней. Агрессивная подача, резкая звуковая окраска, контраст образов на языковом уровне и обособленность лирического героя от окружающей среды – вот столпы, на которых держится досоветский конфликт Маяковского и буржуазии.

Поэма «Облако в штанах» (1914-15 гг.) усиливает контраст «толпы»–«улицы» и поэта. «Жир» и связанные с ним понятия («засаленный», «жрать» и т.д.) как показатели классово-идеологических врагов окончательно утверждаются одними из системообразующих

элементов авторской концепции. Маяковский в поэме, исполняя долг «рыцаря разрушения», который хочет в «зажиревшее ухо втиснуть нежное слово» [6, с. 20], рисует буржуазию очень широко: здесь и лакеи, и та самая «улица» как собирательный образ всех зажиточных и не очень гуляк, и поэты, которые должны противопоставляться «улице», но оказываются вместе с нею составляющими частями старого мира, и снова толпа – «люди» (уже не звери), зеваки, публика.

Эволюция конфликта по сравнению с «Нате!» прослеживается в том, что собирательный образ толпы, во-первых, начинает действовать самостоятельно, отходя от модели безучастных наблюдателей. От него даже слышатся призывы, с потрохами выдающие всю низость уровня развития: «Идёмте жрать!» и «Распни, распни его!» [6, с. 12-14]. Во-вторых, и сам лирический герой уже не просто выкрикивает обличительные саркастичные фразы, а побуждает к действию тех, кто стоит противовесом «зажравшимся» буржуа: «Нам, здоровенным, с шагом саженным, надо не слушать, а рвать их» [6, с. 12]. «Облако в штанах» можно назвать переходным этапом от чисто романтического конфликта жизненных позиций к противостоянию с утверждённой программой активных действий.

Интересно у Маяковского раздвоение образа улицы. Это, с одной стороны, расположившиеся по кабакам и ресторанам буржуазные элементы с их «идёмте жрать», а с другой – простой народ: «За поэтами – уличные тыщи: студенты, проститутки, подрядчики». Обращение к этому второму миру «тыщ» служит маркером серьёзности революционного настроения поэта-футуриста. Отсюда же – направленные на конкретные социальные слои лозунги, зачатки прописывания программы действий. Лирический герой по-прежнему обособляет себя почти ото всех, однако в его речи появляется первое «мы»: он вместе с «творцами в горящем гимне – шуме фабрики и лаборатории» [6, с. 12].

Ещё одна линия досоветского обвинения буржуазного мира связана с антивоенной направленностью творчества Маяковского. То, что поэт считал трагедией – на фронте гибли и оставались инвалидами тысячи российских солдат – буржуа воспринимали через призму праздника силы, «представленных к Георгию» героев [5, с. 59]. Скандальное стихотворение «Вам!» 1915 г. – «строки... направленные против буржуазии, обогащающейся на военных спекуляциях, <которые> вызвали взрыв возмущения в публике, принявшей обращение Маяковского прямо на свой счет» [3]. Причём антивоенность связана не с тем, что автор каким-то образом пытается осудить действия самих вооружённых сил, а с растущим в нём непониманием: ведь нельзя же просто жить, забывая об умирающих каждый день братьях по крови («может быть, сейчас бомбой ноги / выдрало у Петрова поручика?..» [5, с. 59]) и – тем более – умножая на этом капитал. Оттого снова проявляется замкнутость враждебных поэту образов на материальном мире, их нелюбезность, вездесущий «жир» и добивающий восприятие разврат.

Маяковский низвергает буржуазию так низко, как только может. Он ждёт переворот общественного строя, предсказывает его в «Облаке в штанах» на 1916 год и фактически получает в 1917. Уже упомянутое двустихие «Ешь ананасы...», написанное до октября 1917 г., сделалось песней: «Петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: Ешь ананасы... и т. д.» [5].

Октябрьская революция стала для Маяковского «моей революцией». Человек-Громада, противопоставивший себя ненавистному миру буржуазных салонов, становится плечом к плечу с «тыщами». Индивидуализм ранней лирики уходит в прошлое; всё чаще по отношению к народу и стране звучит местоимение множественного числа «мы». Деятели искусства (именно деятели!), отличаясь от «размокших в плаче и всхлипе» [6, с. 12] поэтов прошлого, обязаны вдохновлять на строительство будущего – и сами заниматься этим. Маяковский восхищается прогрессом, продвигаемым компартией. На него влияет, к примеру, утверждение плана ГОЭРЛО: в декабре 1920 в «Окнах роста» появляются иллюстрированные строки «Мы зажгли над миром истину эту...». До определённого момента поэт принимает новую власть за то ядро очистительной силы, которое, по его

мечтам, способно было снести старый мир до основания и построить на его месте новый, совершенный.

Определённым переломным моментом становится установление НЭПа. Маяковский, признавая это вынужденным шагом, по-прежнему призывает «пролетариев»: «На арену! С купцами сражаться иди! Надо счётами бить учиться» [5, с. 531]. Его текст 1922 г. «Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?..» показывает буржуазию в привычном с досоветской лирики ключе: с «пузом», шампанским, откровенно материальными помыслами и ограниченностью взглядов. Однако в других стихах 1921-22 гг. – «О дряни» и «Прозаседавшиеся» – от данного образа остаётся лишь последний компонент. Поэт здесь и далее вычленяет из буржуазии мещанство, считая его одним из самых опасных для обновлённого мира слоёв населения.

Конфликт, разворачивающийся в тексте «О дряни», в отличие от «Нате!» и «Облака в штанах», представляет на суд не грязных и жирных буржуа, а тихих обывателей: «Крепкие, как умывальники, / живут и поныне – / тише воды» [5, с. 144]. Однако, по мнению поэта, «страшнее Врангеля обывательский быт» [5, с. 145]. Противопоставление пролетариев и «дряни», олицетворённой «мурлом мещанина» [5, с. 144], с одной стороны, отсылает к памфлетности раннего Маяковского, с другой – отражает степень неудовлетворённости лирического героя воцаряющимся в стране затишьем, неизменно влекущим за собой компромиссы с прошлым, частичное возвращение к тому, от чего уходили. Бюрократизация, вместе с мещанством вошедшая в «уютные кабинеты и спальни» [5, с. 144], на которой строится всё гротескно-ироническое повествование «Прозаседавшихся», соотносима по шкале авторской неприязни с военными спекуляциями; сами обыватели-мещане – с недобитыми врагами, которых обязательно нужно уничтожить.

Кроме смещения фокуса конфликта с буржуазии в целом на мещан в частности, Маяковский выдвигает более конкретные обвинения идейным оппонентам (взяточничество, желание наживиться на изменении общественного строя, смещение фокуса официальных заседаний с важных вопросов на незначительные, бюрократизация системы), а также начинает писать программу будущего устранения данных проблем. Завершающий «Прозаседавшиеся» возглас рассказчика: «О, хотя бы / еще / одно заседание / относительно искоренения всех заседаний!» [6, с. 156] является одним из её элементов. Характерной для раннесоветского конфликта поэта с буржуазным миром чертой и является вхождение лирического героя в круг социума, а также изменение адресата стихов с самой буржуазной прослойки на пролетарский трудовой народ, вместе с которым Маяковский хочет строить будущее страны.

За период 1923-1929 гг. рассматриваемый конфликт развивается по приведённому выше пути.

«Первомайское поздравление» (1926 г.) – один из образцов того, что исследователи называют литературой жизнестроения. Формально он представляет собой диалог с солнцем, которое со времён «Необычайного приключения...» панибратствует с поэтом, но синтаксическая расстановка диалоговых тире не совпадает со смысловой нагрузкой. Фактически через речь со светилом лирический герой выдвигает назидания народу своей страны, оттого весь текст строится на глаголах повелительного наклонения, расставленных парами для усиления воздействия: «не щерься и не ящерься», «взойди и свети», «стойте и ходите», «жги и не пяться», «выжжем, выжжем»; а также одиночный узловый глагол «подумаем» (обо всём сказанном). Маяковский и здесь обращает укол к буржуазному миру («у скольких еще бока кошелька / – оттопыриваются взятками» [5, с. 374]), однако представляет его как часть всех несовершенств, с которыми необходимо бороться его социалистическому обществу.

Поэт в произведениях советского периода не противопоставляет себя народной массе, но нельзя сказать, что он растворяется в ней. Его лирический герой по-прежнему стоит над остальными: он – рупор, полководец, тот, кто напрямую общается с вышестоящими силами (солнцем или, например, В. И. Лениным). Оттого возникает ощущение, что он движется в

историческом развитии не вместе с теми, для кого указывает путь, а рядом. Герой Маяковского одинок. В своём величии и трагизме, видении мира и построении программы будущего он не может найти тех, с кем он пошел бы за руку. Особенно это заметно в текстах позднего периода, 1929-30 гг.

«Разговор с товарищем Лениным» 1929 г. весь пронизан чувством не столько обособленности от мира, сколько одиночества. На фоне закольцовывающей текст фразы: «Двое в комнате. / Я / и Ленин – / фотографией / на белой стене» [5, с. 575-578] одиночное «мы» Маяковского звучит неубедительно. Человек-Громада, ставший рупором революции, пытающийся быть «солнцем» для народа, не может повернуть ход событий туда, куда ему хотелось бы больше всего. «Кулаков и волокитчиков», остатков старого, буржуазного мира ему «скрутить ужасно трудно» [5, с. 577] потому, что он занимается этим, в сущности, один. Тем не менее он, прекрасно понимая неутешительность исхода подобной борьбы, продолжает назидать, планировать и вести за собой в светлое будущее.

«Отвлеченное отношение к Октябрю, – пишет А. К. Воронский, – сказалось с особой наглядностью, как только наступили “будни”. Окончание гражданской войны, спад революционной волны на Западе, нэп, культурничество заметно отразились на... творчестве Маяковского» [1]. Вернее было бы сказать – не только на творчестве, но и на мировоззрении. Конфликт с буржуазным миром, прошедший через стадии футуристической ненависти к «жирным» богачам, неудовольствия от обнаружения обывательщины в новой стране и упорного желания искоренить всех торгашей, взяточников и прочих мещан в условиях набирающего мощь государства, подложил один из камней в фундамент трагедии поэта. Однако Маяковский не был бы Маяковским, если бы с присущим ему оптимизмом до конца не считал: мы, наш народ, можем искоренить все проблемы – нужно только действовать и не откатывать мир назад.

Современные читатели и исследователи могут оценить, насколько сбылись мечты «рупора революции», грезившего о создании русского – а точнее, советского – сверхчеловека, способного одолеть любое дело, продвинуть вперед не только научно-технический прогресс, но и систему межличностных взаимоотношений. Несостыковка поэтического мира с реальной действительностью произошла в том числе из-за романтической концепции, отход от которой у Маяковского даже в стихах позднего периода (1927-1930 гг.) прослеживается далеко не всегда. Получается, что конфликт с буржуазным миром, эволюционируя по мере перехода поэта из одного литературного направления в другое, всегда имеет одну и ту же структуру: одиночка, намеренно отделяющий себя вообще от всего мира или способный повести его часть за собой – ненавистное ему общество, которому он противостоит. Лирический герой Маяковского, говоря об очень масштабных, глобальных вещах, сам представляясь в первую очередь тем, кто будет строить новый мир и радоваться ему, на самом деле является нервным, мятущимся, живым (то есть несовершенным) человеком, и то, что он порой сам желает развести до крайности эти стороны – одну выставить, другую спрятать, – как будто бы сигнализирует: всё может рухнуть в любую минуту, в любой момент времени. Со временем его крик становится спокойным голосом, но от того не менее страшна суть. Фрагмент из первого вступления в поэму «Во весь голос» прекрасно соотносится с отрывком из «Облака в штанах»: «Скажите пожарным: / на сердце горячее лезут в ласках. / Я сам. / Глаза наслезнённые бочками выкачу. / Дайте о ребра опереться. / Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу! / Рухнули. / Не выскочишь из сердца!» [6, с. 10].

Это был крик отчаяния молодого футуриста, не находящей себе места «глыбы». Вот как выглядит его же спокойствие, веющее безысходностью, в зрелом возрасте: «С хвостом годов / я становлюсь подобием / чудовищ / ископаемо-хвостатых. / Товарищ жизнь, / давай / быстреем протопаем, / протопаем / по пятилетке / дней остаток» [6, с. 430].

Трагедия поэтического мира и дооктябрьского, и советского периода творчества В. В. Маяковского заключена в продолжении линии отстранённости лирического героя от

остального общества, даже если он с ним не конфликтует. Явный же конфликт лирического героя с буржуазным миром, связывающий футуристическое творчество Маяковского с его литературой жизнестроения, имеет на протяжении своего эволюционного пути одну структурную схему, выведенную выше, но разные формы проявления (насмешка, протест, назидание, призыв к действию) и неоднородную структуру оппонентов в конфликтной ситуации (буржуазия как широкий общественный класс, мещанство – более узкое понятие, бюрократия как элемент буржуазной системы государственного устройства). Кроме того, выведенное противостояние находит основу в конфликте прошлого с настоящим и будущим, что также позволяет говорить о связи разделяемых периодов творчества поэта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов партнеров ШГПУ и БГПУ им. М. Акмуллы в 2024 году по теме «Историко-культурный комментарий к поэтическому творчеству В.В. Маяковского» (№ 04.24.16-5Д от 2 мая 2024 г.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воронский, А.В. Маяковский / А.В. Воронский. – Текст : электронный // Красная новь. – 1925. – № 2. – С. 249–276. – URL: <http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/kritika/voronskij-mayakovskij.htm> (дата обращения: 30.09.2024).
2. Ибрагимов, Р.А. Концепция художника и окружающего мира в мифопоэтике В. Маяковского / Р.А. Ибрагимов. – Текст : электронный // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-hudozhnika-i-okruzhayuschego-mira-v-mifopoetike-v-mayakovskogo> (дата обращения: 08.10.2024).
3. Катянян, В.А. Маяковский: хроника жизни и деятельности / В.А. Катянян ; отв. ред. А. Е. Парнис. – 5-е изд., доп. – Москва : Советский писатель, 1985. – 648 с. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/kmh-cronics/kmh.html> (дата обращения: 30.09.2024). – Текст : электронный.
4. Лемешева, Ю.В. Я ваш поэт. Вл. Маяковский / Ю.В. Лемешева. – Текст : электронный // Философская школа. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-vash-poet-vl-mayakovskiy> (дата обращения: 08.10.2024).
5. Маяковский, В.В. Сочинения в двух томах. Т. I / В.В. Маяковский ; сост. А. Михайлова ; прим. А. Ушакова. – Москва : Правда, 1988. – 768 с. – Текст : непосредственный.
6. Маяковский, В.В. Сочинения. В 2 т. Т. II / В.В. Маяковский ; сост. А. Михайлова ; прим. А. Ушакова. – Москва : Правда, 1988. – 768 с. – Текст : непосредственный.
7. Маяковский, В.В. Только не воспоминания... / В.В. Маяковский. – Текст : электронный // Маяковский, В.В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В.В. Маяковский ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Художественная литература, 1959. – Т. 12. Статьи, заметки и выступления: (Ноябрь 1917–1930). – С. 149–158. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/msc/msc-149-.htm> (дата обращения: 30.09.2024).
8. Семенова, Ю.А. Формирование авторского отношения к миру посредством окказиональной лексики в ранней лирике В. В. Маяковского / Ю.А. Семенова, Е.А. Братцева. – Текст : электронный // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3 (55). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-avtorskogo-otnosheniya-k-miru-posredstvom-okkazionalnoy-leksiki-v-ranney-lirike-v-v-mayakovskogo> (дата обращения: 08.10.2024).
9. Ханнанова, Д.Ш. Роль мотива еды при раскрытии оппозиции «Свое/чужое» в лирике В. В. Маяковского 20-х годов / Д.Ш. Ханнанова. – Текст : электронный // Известия ВГПУ. – 2011. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-motiva-edy-pri-raskrytii-opp-ozitsii-svoe-chuzhoe-v-lirike-v-v-mayakovskogo-20-h-godov> (дата обращения: 08.10.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Е.А. Братцева, студентка кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: bratheva.liza@yandex.ru.

Ю.А. Семенова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: 5ok@bk.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

E.A. Brattseva, Undergraduate Student, Department of Philology and Socio-Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: bratheva.liza@yandex.ru.

Yu.A. Semenova, Ph.D. in Philological Sciences, Associate Professor, Department Chair, Department of Philology and Socio-Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: 5ok@bk.ru.